

НИ С ТЕМИ И НИ С ДРУГИМИ

(О нравственно-политической философии Игоря Дедкова)

Вместо предисловия

«Я хочу быть понят моей страной, а не буду понят – что ж, по стране родной я пройду стороной, как проходит косой дождь». Вот так, как писал Маяковский, «косыми дождями», «стороной» проходят по родной стране многие лучшие и талантливейшие её люди, - по разным причинам: отодвигаемые на обочину бюрократическими режимами и их чиновными служителями, травимые и замалчиваемые всевозможными «сальеристами», не замечаемые большей частью, увы, духовно неразвитого общества; наконец, - по причине удивительной личной скромности, так свойственной русскому интеллигентному человеку.

Игорь Александрович Дедков (1934-1994) – один из таких вот талантливых русских мыслителей, сравнительно скромная известность которых не соответствует масштабу их дарования, значимости оставленного ими духовного наследия. Хотите составить себе представление о масштабе его личности, его дарования и интеллекта – почитайте (или хотя бы только полистайте) его книги «Во все концы дорога далека», «Любить? Ненавидеть? Что еще? (Заметки о литературе, истории и нашей быстро текущей абсурдной жизни)», «Обновленное зрение», его «Дневники», опубликованные в «Свободной мысли» и «Новом мире». А если вы не просто «полистаете» и не просто «почитаете», но вживетесь, вдумаетесь, вчувствуетесь в мир его идей и взглядов, вы, наверняка, увидите, какой громадный и оригинальный вклад сделан им в духовно-нравственную культуру нашей страны и сколь необходимы нам – для просветления нашего взгляда на современную Россию – его мысли и концепции, совокупность которых вполне может быть определена, как *нравственно-политическая философия Игоря Дедкова*. О ней мы и поведем речь сегодня – исходя из того убеждения, что одна из важнейших задач

нашей национальной культуры, одно из предназначений отечественной интеллигенции состоит в том, чтобы не дать уйти в небытие мыслям и делам замечательных людей России, дабы дождь их идей и исканий прошел не по обочине нашей национальной культурной территории, а пролился на все её бесконечные просторы, взрыхлив, освежив почву и тем создав условия для новых интеллектуальных и нравственных всходов...

Из биографической справки об Игоре Дедкове («Свободная мысль», №9, 1995): «Если пользоваться распространенными определениями, И.А.Дедкова следует отнести к «шестидесятникам», к тому слою российской интеллигенции, которая, горячо поддержав «десталинизацию» конца 50-х, пыталась предотвратить последующую «реставрацию», идейно готовя перестройку. Судьба этих людей оказалась непростой и в чем-то трагичной. В 1956-1957 годах И.А.Дедков был известен как один из лидеров студенческого движения на факультете журналистики Московского университета. Призывы к переменам, к углублению курса XX съезда были восприняты властями как крамола, Дедков и его товарищи подверглись преследованиям. После окончания университета Дедков был направлен на работу в Кострому. Тридцать костромских лет принесли ему известность и общественное положение. Несмотря на бдительный контроль со стороны КГБ, Дедков стал одним из ведущих российских литературных критиков. Он писал смело и откровенно, отстаивая те идеи и принципы, которые не всегда были приятны властям, но вызывали сочувствие и уважение у здравомыслящей части общества.

С началом перестройки Дедков стал постоянным автором комментариев в одной из популярнейших газет того времени – «Московских новостях». В 1987 году он получил приглашение возвратиться в Москву на работу обозревателем в журнал «Коммунист». С августа 1991 года И.А.Дедков – первый заместитель главного редактора журнала «Свободная мысль».

...В этом, 2022-м, году ему исполнилось бы 88 лет. 28 лет, как его нет с нами. С печалью, но, помня, о каком человеке идёт речь, - с по-пушкински «светлой печалью» поклонимся его памяти.

«Мы можем переменить узор ковра»

Это – герценовские слова, которые так любил повторять Игорь Дедков. Да, мы можем и мы сможем переменить ткущийся историей «узор ковра», если...

Игорь (называю его так – по имени, потому что знаю его с тех бесконечно уже далеких лет, когда мы, студенты МГУ, – Игорь был на четвертом, я – на первом курсе, - опираясь на костыли антисталинских решений XX съезда, дружно, плечом к плечу, поднимались с колен, пробуя идти своими ногами и руководствуясь собственным разумением: «не могу передоверить даже Льву Толстому сказать, что я хочу и так, как я хочу»; потому, и да простит мне читатель, я и не могу, не сбиваясь на фальшивый тон, называть его ни «Игорь Александрович», ни «Дедков»; просто – Игорь), так вот Игорь одинаково не принимал два (весьма распространенных в «интеллигентской среде») типа рассуждений о логике Истории.

Первый. Если вы хотите понять ход Истории, отодвиньте в сторону всякие моральные сентенции и абстрактно-гуманистические штучки – оставьте их для обсуждения особенностей частной жизни и товарищеских взаимоотношений. Государство же, Общество, Социум живут по другим законам (тем более – Великое Государство, Держава!). Политика (и это выяснил еще Макиавелли) по самой своей сути не может быть нравственной. Да, конечно, это не слишком нравственно – заключить, например, договор о дружбе с гитлеровской Германией и на его основе делить земли других народов, нарезая себе жирные куски с чужими городами и людьми. Что делать – есть высшие интересы Государства, Державы: надо было отодвинуть начало войны, поосновательнее подготовиться к ней... Да, это, с моральной точки зрения, кощунственно – подтверждая дружбу с Гитлером, выдавать ему разыскиваемых гестапо иммигрантов-

антифашистов (немецких, австрийских, греческих, итальянских), отдавая их на мучения и казни. Но – Держава, Государство, Народ! Все – для них, для их Защиты и Величия!.. Да, не очень-то нравственно отобрать у крестьян все произведенное ими зерно и, обрекая миллионы соотечественников на голодную смерть, менять его за границей на то, что потом превратится в заводские трубы, самолеты и танки. «Либо мы это сделаем, либо нас сомнут!» (Иосиф Сталин). (То, что миллионы своих уже сами «смяли» – это как-то упускается из виду.)

И другой, как будто прямо противоположный, тип рассуждения. Впрочем – растущий из того же корня, что и предыдущий: да, политика, по самой своей сути, не-нравственна и даже прямо – безнравственна; политика – это грязное дело и не может быть иной. А раз – так, то долой всякую политику, все ее постулаты и софизмы. Нормальный человек должен быть вне политики! Мы против всяких «прогрессов», если «рушится человек». К черту интересы Социума, Державы, да здравствуют интересы и права Личности!

Для Игоря Дедкова «интересы и права личности» тоже святы. И он тоже категорически против того, чтобы в огне и свете Великих исторических событий сгорало, расплавлялось и испарялось индивидуальное, личное, частное: «Беремся рассуждать, к примеру, об исторических событиях, великих, величественных, говорим уверенно, громко, прямо грохочем, и вдруг представится, как внутри события сидят съезжившиеся от нашего грохота люди и пытаются что-то сказать... А их для нас как бы нет – нам достаточно абстракций, с абстракциями много проще» (Дедков И. Обновленное зрение. М, 1988, с.294). Это он все прекрасно знает. Но он знает и другое: съезжившиеся, загнанные, замурованные в пространство частного интереса люди не смогут обустроить ни свой маленький личный мир (существующий лишь в рамках Социума, лишь во взаимодействии с ним), ни большой мир своих взаимоотношений с другими людьми – соседями, односельчанами, одногорожанами, с тысячами своих земляков и миллионами

соотечественников – ведь, это уже сфера политики. А в ней, по «высоконравственным мотивам», они отказываются участвовать. И потому для Игоря – нормальный человек не может и не должен быть вне политики. «Политика, мне бы 30 лет назад в тебя кинуться», - с болью как о желанной, но не реализованной возможности напишет он в дневнике уже на закате жизни («Дневник», «Свободная мысль», № 9, 1995, с. 118).

Еще раз: нормальный человек не может быть вне политики. Только это должна быть **другая политика**, - исходящая не из интересов Державы, безразличной к судьбам и жизням тех, кто в этой Державе живет, а из повседневных забот и интересов простых, рядовых граждан. «Пусть историки. – напишет Игорь об официальных, «державных» историках, - взвешивают и перевешивают на своих весах факты, деяния и репутации значительных лиц». Человек же, разделяющий точку зрения Игоря, «упрямо начинает с другого конца: с судьбы безвестного человека» (там же, с. 303). Это – принципиально иной взгляд на Историю: смотреть на события глазами не «элиты» (чиновно-державной или салонно-морализаторской), глазами не «известного», а – «безвестного» человека. Если «случайно нарушив привычку («громыхания» по поводу исторических событий – Г.В.), пойти по другой стороне улицы», - и «мир будто дрогнет: что-то неизвестное, пропущенное приоткроется в его примелькавшемся облике» («Обновленное зрение», с.294). Все творчество Игоря и есть приоткрытие этого «пропущенного» и «неизвестного» – картина того, как видится мир с той, другой, «неофициальной» «стороны улицы». Каковы же основные составляющие этой картины?

«Человеческий суд эпохе»

Именно так, используя формулу Игоря, мы назвали бы рисуемую им картину. Но прежде чем рассказать, что на ней, давайте еще и еще раз всмотримся в того «субъекта», что идет по «другой стороне улицы» и в воображении которого возникает эта картина. Самому Игорю очень важно было точно определить и описать его. Это

была непростая задача: не впасть в банальности, велеречивость, дешевый пафос. Он осторожно нащупывает существенные черты этого «субъекта». И в описании их прибегает, как правило, к образному стилю речи. Всепроникающая «образность», «художественность» писаний Игоря - это не просто особенность его публицистического **стиля**, это – суть, это – способ его **мышления** и **чувствования**, которые просто не могут существовать в ином стилевом одеянии. Ведь, если ты грохочешь Абстракциями, историческими Законами, то и стиль твой будет грохочущий и абстрактный – стиль чиновно-служебного доклада. Если же смотришь на события глазами «безвестного», нормального (не-великого !) гражданина, то и разговор твой о них будет более личностным, интимным, «человеческим». Вот откуда это Игоревое: **«Человеческий суд эпохе»**. И потому такой мягкой и теплой эмоциональностью, такой лиричностью окрашены все его размышления о всматривающихся в жизнь людях «с той стороны улицы»: «вся надежда, что литература туда вернется и взглянет их глазами, перескажет их речи» («Обновленное зрение», с.294). А вот как попасть на эту точку обзора: «В старом провинциальном городе забрести во дворик, где тропинки, трава-мурава, сараи, поленницы, присесть на скамейку, услышать запах подгнивающего, ветхого, деревянного жилья и **взглянуть оттуда...**». А то можно пойти на городскую окраину – ту, например, что описал Виталий Семин в «Семеро в одном доме», - там трудно живущее «пестрое окраинное население» знает и «теплоту человечности» и ту «ясную меру, которая строже родства и выше дружбы» (Дедков И. «Во все концы дорога далека», 1981, с.75). Или – в научные лаборатории (что в дудинцевских «Белых одеждах»), где можно познакомиться с теми «безвестными» «героями противостояния», что как упрямая трава «поднимают бугром» давящий все живое бюрократический асфальт и пробиваются к свету.

О, оттуда мир и события в нем выглядят существенно иначе, чем из окон кремлевских спичрайтеров или салонов «рафинированных интеллектуалов». «Вот с чем я столкнулся, что почувствовал, когда

И.Т. вспоминал 60-е годы, - запишет Игорь в «дневнике» 28 января 1988 года. – Ясное-ясное представление: он где-то поверху я где-то внизу, он – о «Вопросах философии», о Капице, Лысенко, Кедрове; я – о чем? – о «Северной правде», о каком-нибудь Грише Илюшко, пьянице Комракове, о Ленке Воробьеве и так далее» – жизни «разных сортов». Или (25 марта 1988 года): «Разговаривали за завтраком обо всем на свете: от СПИДа до национальных отношений. Н.Б. вспомнил, как Федоров (хирург, глазник – а мы еще добавим: лидер партии то ли народно-капиталистической, то ли народно-социалистической, в общем – крупный политик – Г.В.), выступая на «круглом столе» сказал о 50 тыс. долларов, на которые он производит закупки оборудования. А присутствующий врач из райбольницы сказал: а у нас и 50 рублей нет, чтобы купить необходимое!.. И тут меня как кольнуло: и представилась та далекая **конкретная** жизнь в каком-то селе, городке, снег, крыльцо, люди, сбивающие снег с валенок... То – жизнь». А через несколько дней (27марта) опять возвращается к этому, с добавлением трогательных деталей, - видно, что-то очень существенное прояснилось ему в том разговоре: «Тот о тысячах долларов (не дают), а она – о пятидесяти рублях (не дают), и посреди разговора... меня вдруг кольнуло, и здесь в роскошной этой столовой, среди сытых и чинных людей, я с горьким сожалением почувствовал правоту и недоступность, и упущенность конкретной жизни. В какую-то долю мгновения я увидел крыльцо темного от времени деревянного больничного строения, женщину, наскоро сметающую веником снег с валенок, услышал ее бодрый голос: «Ну, как тут мои больные?». Никогда я так не ощущал многоэтажности, многослойности жизни, как в эти дни. Отвлеченность живет за счет конкретности. Плавание в разных водах».

Да, «элита» и подвластный ей «народ» плавают в разных водах, ходят по разным сторонам улицы и видят по-разному Мир и События, в нем происходящие. Игорь, разумеется, мыслью и чувством с Гришей Илюшко, Ленкой Воробьевым, с врачами из райбольницы. В Москву он вернулся после почти 30 лет жизни в

Костроме. «Я произвожу здесь (в кругах московской «элиты» - Г.В.), должно быть, мрачное впечатление. За обеденным столом – разговоры, когда прогуливаемся – тоже, я все молчу. Редко-редко что-то скажешь, и то неохотно. И люди вроде бы располагающие, но все-таки чужие, другой клан, другие воспоминания у них. С другого этажа. И я – с другого, не с их.» («Дневник», 25.03.88). Он с того этажа, из тех коммуналок, из тех столичных и провинциальных дворики, где «Гриша», «Ленька», сельский фельдшер...Он смотрит на мир их глазами. Одно только добавление: их глазами, но опираясь при этом не на узкий и частный опыт отдельных лиц, а на широкий фундамент философской, эстетической и этической мысли. Можно сказать, он вводит идущий «снизу» народный взгляд в контекст мировой культуры. И вот только тогда – в пространстве **такой** позиции – начинается сближение и взаимопроникновение всеобщего («общественного») и частного («личностного») начала, иначе говоря – политики и нравственности. В итоге формируется новая единая, «конвергентная» (т.е. – объединительная) мировоззренческая парадигма – **нравственно-политическая**.

Игорь Дедков – один из главных ее творцов и пропагандистов. В этом новом мировоззренческом подходе существовавшие прежде порознь (и даже – в противостоянии) политическое и нравственное начала сплавляются в единство, в некую целостность. И в таком взаимопереплетающемся контексте политика теряет свои «безнравственные» очертания, а нравственность – облик бесплодного и бессильного морализаторства. Иначе говоря, в этом контексте политика становится другой **политикой**, а нравственность – другой **нравственностью**. Вот как о том – блистательно – написал сам Игорь: «Допустима, нужна ли «моральная оценка» (сталинской деятельности и проч.)?.. Моральная оценка – это не обязательно взгляд моралиста. Литература почти с неизбежностью такой взгляд в себе заключает, если устраивает человеческий суд эпохе. В конце концов человек не обязан входить в положение властителя государства, правящей группы. Его критика, неприятие абсолютно законны. Его интересы

законно могут расходиться с устремлениями государства, рвущегося в великие и мировые державы. Он явился на свет – жить, а не соревноваться в государственных предприятиях, и пошли они все к черту» («Дневник», 21.3.88).

Нравственность, закрепляемая в политических институтах и решениях, и политика, наполняемая богатством и красотой нравственных принципов; «народность», обогащенная теоретической культурой, и теория, пропитанная конкретикой народного мироощущения, – становятся, под пером Игоря Дедкова, основой удивительных прозрений – в отношении Прошлого, Настоящего, Будущего.

Реальный социализм: «власть отвратительна как руки брадобрея»

Итак, вначале – о Прошлом. Да, Игорь, как и обещал, вершит не уголовно-юридический и не морализаторский, а Человеческий (что означает – нравственно-политический) суд эпохе.

Вот оценка того общественного строя, того государства, в котором мы жили до 85 года. Вначале – точные и строгие политологические дефиниции: «Самая большая ложь государства – наличие привилегий, отчуждение гражданских прав., иерархия не только должностей, но семей, социальных слоев». Это – речь ученого, теоретика; в ней под корень рубятся положения политической науки того времени, тщившейся представить «реальный социализм» как систему социального равенства, политической и духовной свободы.

Но политические категории – слишком абстрактны и схематичны. Они – лишь начало понимания. И потому тут же политологические характеристики переходят в нравственные оценки: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи – формула на удивление сбывшаяся, формула отчуждения ума, совести и чести». Видите, о чем уже с возрастающим эмоционально-нравственным накалом говорит Игорь: Партия присвоила, приватизировала, отобрала у нас наш ум, нашу честь и нашу совесть, оставляя нам, по сути, одну-единственную функцию – быть нерассуждающими исполнителями; она, видите ли, освобождает нас от нравственного выбора и

ответственности – это она «берет на себя». И далее эмоционально-нравственное начало рассуждений расширяется, обретая все более образный характер: «Государство в существующих формах отвратительно. Оно норовит заполнить все пространство жизни». Ну-ка, вспомним, как такое государство называется на строгом языке политической науки? Да, верно – тоталитарное. А как оно называется на языке нравственно-политической философии Игоря Дедкова? Вот как: «Государство, сочащееся сквозь все поры». (Ну, что скажете? Ведь, это посильнее «тоталитарного» политологического синонима?). И далее: «Ощущение государства с детства: на всю жизнь оторопь и неприязнь» – «власть отвратительна, как руки брадобрея».

И дальше, дальше, дальше: с высот обобщений – вниз, к земле, ко все большей конкретике, с характеристики «элементов» общественной «системы» - на уровень судьбы и чувствований конкретного человека. Вот тогда-то от Человеческого приговора этой системе не отвертеться и не отболтаться. «Дневник»(8.07.86): «Сюжет: где-то перед войной, в 37-38 гг, его обязали сотрудничать с НКВД, т.е. сообщать сведения о руководителе организации (учреждения), где он тогда работал. Он хорошо относился к своему начальнику и ничего плохого не сообщал. Однако было давление, неприятные и тревожные минуты на этих тайных встречах: дома, на скверах, на кладбище, на стадионе. Война освободила от этого шпионства. Но на фронте к нему пришли с тем же предложением. На этот раз он отказался, сославшись на то, что и так честно на гражданке работал на них... После войны его вынудили к сотрудничеству снова. Особенно унижительны были для немолодого человека эти тайные встречи. Июль 53 года. Слезы освобождения. Еще 15 лет, и снова те же сети. В какой-то пьяной компании он слышит: «сексот», и ужасается: они знают, все знают!»

И еще тысячи других по-другому поломанных и растоптанных судеб того времени: «Через какие муки прошли люди в революцию, в 30-е годы, в войну, да, и потом, сколько ушло их

времени, сколько жизней, а если выживали, то как измерить пережитое ими в лагерях, ссылках, в бесконечно долгом отсутствии, в изоляции от близких и родных... Как? Какую изобрести единицу измерения горечи, страданий, боли?.. Попробуй представь себе ситуацию, что будет с пальцем, если сунуть его во вращающуюся мясорубку».

Мясорубка, прокручивающая сквозь себя людей, - вот рождающийся у Игоря образ социальной реальности, что существовала до 85 года...

И вот, в восьмидесятые, как когда-то в 56-м, снова пришла Надежда – «перестройка». Ради нее Игорь покидает свой тихий кабинет литературного критика в Костроме и перебирается (по приглашению инициаторов перестройки) в шумную политизированную Москву, в журнал «Коммунист», где, казалось и варятся основные идеи и программы давно желанных демократических преобразований. Но умудренный, натренированный взгляд Игоря довольно быстро распознаёт призрачность этих новых надежд.

Перестройка: «Великая затея пошлет на глазах»

Из «Дневника» - в самом начале перестройки: «Остерегись!-готов я крикнуть»

Кого, чего, по мнению Игоря, следует «остеречься»? Откуда эта постоянная настороженность по поводу обустраиваемой «новой жизни», которую, среди других достойных сынов своего отечества, готовил Игорь? «Дневник» (январь 88г.): «Здесь в Волынском («на даче ЦК») незаметно и беспричинно, без каких-нибудь резких знаков я почувствовал, как зыбко то, что происходит и называется «перестройкой». Вспомнилось похожее чехословацкое, польское: как рядом с лидером всегда на втором плане торчало твердое лицо московского слуги. И приходил его час. И прелести либерализма увядали. И твердое лицо заполняло исторический экран... Взгляните в это мрачное, едва скрывающее раздражение, широкое здоровущее лицо второго человека. (Вы, конечно, легко узнаете лицо Егора Кузьмича Лигачева? – Г.В.). Нагоняющий,

подстерегающий – как на треке- в лучшей позиции. Это всем известно. Остерегись! – готов я крикнуть. – Остерегись!».

Пока еще Игорь связывает «зыбкость» преобразований с упорным противостоянием консервативно-догматических сил, хватающих, что называется, за фалды «архитекторов перестройки». Но если бы дело состояло только в этом! Уж как-нибудь справились бы с консерваторами и откровенными реакционерами, поддержав перестроечных лидеров. Трагичней, когда поперек «новой жизни» встают сами «архитекторы»: «Не хочется писать о политических событиях и впечатлениях последних дней, они все чаще вызывают какое-то пустое раздражение...Много разных людей мы видели на советском верху, но откровенного пошляка (Янаева) нам предложили в начальники впервые. И благодарить приходится Президента. Даже думать об этом персонаже и его покровителе кажется каким-то компромиссом с пошлостью. Великая затея пошлет на глазах».

Какая это оценка – **политическая**? Да, конечно: новая элита с комфортом обустривается на спине народа, радуется близким по духу человечкам, делит добычу. Но и – **нравственная**: торжество **пошлости**.

А вот о другом «архитекторе»: «Какая скучнейшая, пошлейшая материя, бывшие товарищи! Александр Николаевич (Яковлев) сказал, что только слоны не меняют своих убеждений, а вот люди должны меняться. Слону, думаю я, нельзя менять своих убеждений – иначе он не выживет, погибнет. Пораженно смотрю я на многих нынешних деятелей демократии: они прозрели в пятьдесят пять, в шестьдесят лет, и я мысленно спрашиваю их: а где были ваши геройские головы раньше? Или вы не прозревали потому, что вам и так и было вполне хорошо, и вы немало делали для того, чтобы соответствовать правилам жизни, которые резвее всех проклинаете сегодня. Разница между такими, как вы, и такими, к примеру, как я, - что вы делали карьеру, лезли наверх по партийным и прочим лестницам, а я и такие, как я, никуда не лезли и не ценили ни этого верха, ни карьеры, ни жизненных благ, даруемых там, наверху. Это

не пустая разница и потому наше прозрение датируется ни 87-м, ни 89-м, ни 91-м годом, а 53-м и 56-м, и все, что следует дальше, мы додумали сами, как и полагается медленным и упрямым слонам, неохотно сворачивающим с избранного пути». Теперь Игорю совершенно ясно: не Лигачева с Полозковым следует «остерегаться» народу российскому, но самих «архитекторов перестройки», в том числе Президента, последовательно формирующего руководящий политический орган страны, который затем (неожиданно для него?) назовется ГКЧП: «Ни с теми я и ни с другими: ни с «демократами» властвующими, ни с патриотами антисемитствующими, ни с коммунистами, зовущими за черту 85-го года, ни с теми, кто предал рядовых членов этой несчастной, запутавшейся партии».

И финальная, в духе и стиле Игоря, нравственно-политическая оценка перестройки: «Политическое колесо буксует – летит грязь в наши лица».

Ну, а затем, как необходимое следствие и продолжение **такой** «перестройки» - эпоха «великих реформ», торжество «либералов» и «демократов». Тут уже с самого начала – никаких иллюзий.

Эпоха «реформ»: «черная жижа свободы»

Еще только-только постгорбачевское руководство делает свои первые шаги – политический диагноз Игоря строг и беспощаден: «Разыгрывается старый испытанный российский вариант, освященный традицией: на глазах у нации выходящие из-под контроля начальствующие лица управляют (или пытаются это делать) страной, насаждая повсюду себе подобных и лично преданных. Под разными названиями, но восстанавливаются, регенерируются все те же структура и система, пренебрегающие строительством жизни снизу. Всё сверху и беспрекословно». Сущность социальной системы, ее чуждый народу, недемократический характер не изменились: «Как и прежде, человека тащит государство, только теперь – в капитализм». Я в своей книге «Дано иное» (1996г.) охарактеризовал этот процесс как переход от «номенклатурного (т.е. лже-) социализма» к

«номенклатурной (т.е. лже-) демократии», указывая тем самым на принципиальную неизменность номенклатурно-бюрократической системы. Игорь в других терминах, но пишет, по сути, о том же. Только он не останавливается на политических и экономических констатациях. Снова и снова в его теоретико-политический анализ вплетаются нравственные краски: «Нынешний поток неприятен хотя бы потому, что его образуют нечистые, мелкие, а то и подлые страсти. В нем несутся, размахивая сабелями, те же самые, что были на плаву и прежде. Они прекрасно чувствовали себя тогда, и теперь – не хуже, не горше. Только вчера они строили социализм, теперь принялись строить капитализм. Какая-то новая, засасывающая воронка». И знакомая морально-нравственная интонация итога: «Добром эта сумятица, эта бестолочь, эта чушь не кончится. «Всё проплевано, прособачено...», - поистине так. Не хочется и записывать. Опротивели слова».

То, что сложившаяся в 90-е годы власть не-народная, недемократическая, то, что это по отношению к гражданам «чужая власть» можно доказывать, анализируя содержание и способ принятия конституции, теорию и практику избирательных кампаний, корыстно-корпоративную деятельность властных структур, как исполнительных, так и представительных. А можно так, как Игорь, выявляя абсолютную аморальность политического режима, его творцов и участников: «Бессовестность власти и властвующих – вот что отталкивало. Когда терпящие говорят: терпите, потерпим, - это одно; когда не терпящие, а берущие полной или достаточной мерой говорят: терпите, ничего не поделаешь, другого выхода нет, - то это совсем другое. Революция была революцией до тех пор, пока призывающие терпеть и не жалеть себя терпели и не жалели себя сами». Недавняя иллюстрация к этому: вспомним, к примеру, с какой энергичностью и тщательностью после катастрофы 17 августа 98г., превратившей (в очередной раз!) большинство граждан России в нищих, «народные избранники» отработывали положения, защищающие и расширяющие их и без того баснословные привилегии. И это – не казус, не ошибка, это – проявление самой

сути сложившейся у нас социально-политической системы. И суть эта великолепна схвачена и описана Игорем в самом начале этих псевдо-великих реформ – именно благодаря тому, что в его анализе нравственный аспект занимал доминирующее место.

Однако: «ощущение беспомощности нарастает...»

...А теперь – об одной неясности, об одной загадке в творчестве Игоря. Она меня мучает, и не знаю, разгадал ли я её. Дело вот в чем.

Мы рассказали о той исключительной плодотворности нравственно-политической точки зрения которую исповедовал Игорь – с нее открывается такое ясное, такое объемное видение происходящего. Она дает понимание исторического процесса и, стало быть, должна рождать у исследователя уверенность, что он на правильном пути. И вдруг! И вдруг так тонко чувствующий, так глубоко понимающий Игорь начинает изо дня в день отмечать в своем «Дневнике»: «опустошающая, всеохватывающая растерянность.., ощущение беспомощности нарастает», «не хочется и записывать, опротивели слова..», «говорить их не хочется, еще и потому что всё – напрасно», «иногда чувствую, как разрастается вокруг чужой мир и если б не родные мне люди, если б, точнее, не семья, - жить не стоило бы...», «всё удаляется и заслоняется.., и отчаянные бывают мгновения, когда...словно жизнь уже кончилась», «я ничего не хочу писать, я заболел от запахов расцветшей «демократии»... - черная жижа т.н. свободы».

Я легко могу понять растерянность малосведущего человека, который бродит по обществу, как по дремучему лесу, не видя ни дорог, ни тропинок, то и дело натыкаясь лбом на деревья и увязая в колючках кустарника. Но когда так пишет Игорь – столько сделавший для понимания сути происходящего, для просвещения общества, создавший такие великолепные инструменты познания, мне становится не по себе. Я мучительно пытаюсь разобраться: откуда такая степень пессимизма у Игоря, такое настроение, можно даже сказать, безысходности? Я не могу уйти от этого вопроса, не могу уклониться от попыток ответить на него. И

размышляя над этим, я все чаще прихожу к выводу, что дело здесь не только в личностно-психологических особенностях жизни и судьбы Игоря. Хотя, конечно, психологическая ситуация, в какой оказалось поколение русской демократической интеллигенции, к которому принадлежал Игорь, сильно влияла на её настроение: всю жизнь постоянно, без продыха и просвета месить черную жижу несвободы, дышать смрадом её испарений, мечтая о воле, о глотке свежего воздуха – и видеть как раз за разом огни страстно желаемой свободы оказываются, при ближайшем рассмотрении, гнилушками, тускло светящимися на кочках бесконечного, уходящего за горизонт болота. И всё это – когда уже почти исчерпан лимит времени, отпущенный на твою жизнь... Тут трудно быть оптимистом. И всё же, думаю, главная причина Игорева пессимизма не в этом. Мне представляется, что верно определив суть современной идеологической парадигмы как «нравственно-политической», Игорь не прописал конкретный механизм взаимодействия этих двух начал – политики и нравственности. Он все-таки не определил – ясно и полно – в чем именно должно состоять нравственное содержание современной политики. Он почти не затрагивает вопроса о том, каким должно взаимодействие, сочетание нравственной проповеди и политического действия. Вчитываясь в статьи и дневниковые записи Игоря, я всё больше прихожу к убеждению, что все-таки центр тяжести в его «нравственно-политической» парадигме несколько (более, чем возможно и необходимо сегодня) смещен в сторону нравственности, нравственной критики и нравственных оценок. Мне кажется, Игорь Дедков несколько преувеличивает возможности нравственного воздействия на события – в ущерб политическому. Это-то и обусловило, на мой взгляд, появление в его конкретных программах преобразований черт утопизма, неосуществимости и на основе этого – пессимизма. Вопрос важный, серьезный. По нему следует основательно объясниться. И требование основательности делает необходимым начать наш разговор на эту тему с небольшого историко-философского разбега.

Сократовская драма: возможен ли счастливый финал?

Вообще проблема соотношения нравственного и политического в деятельности людей возникла давно, впервые, как проблема теории и конкретно-политической практики, - в античной Греции. Тогда же появились первые «нравственные» критики экономической и политической системы рабовладения (Антисфен и др.). Долой рабство, восклицали они, оно аморально: одни живут за счет других, недопустимо политическое неравноправие людей! Это была в высшей степени благородная позиция и одновременно – утопическая. Рабство, классовое деление, социальное разделение труда в Греции V века до н.э. было не только «допустимо», но и просто необходимо, если страна была намерена ускоренно развиваться и не погибнуть в схватке с другими странами за выживание. Ведь, тип социального развития той поры – нравится ли это кому сегодня или нет - характеризовался формулой: развитие одного (класса, слоя, индивида) за счет другого. Такое, социально-классовое, разделение было даже условием развития общества. Кто задерживался в первобытном **равенстве**, тот обрекал себя на экономический застой и на гибель в схватке с более развитыми обществами, «открывшими» способ своего ускоренного развития – социально-классовое разделение труда.

И политические, силовые структуры, естественно, стремились защитить и укрепить эти, более прогрессивные, социально-экономические общественные образования, структуры социального **неравенства**, этот принцип «развитие одного за счет другого». Здесь-то «политическое» и не могло совпадать с «нравственным», ибо последнее предполагает равенство людей, возможность следования «золотому» нравственному императиву: «поступай по отношению к людям так, как ты хотел бы, чтобы они поступали к тебе». Экономическо-политическая необходимость **неравенства** расходилась с проповедями социального равенства. Это, конечно, - драма истории. Но – драма, столь же неизбежная, как восходы и закаты солнца.

Трагическое (т.е. объективно-неизбежное) расхождение политики и нравственности впервые в истории мировой мысли было осознано платоновским Сократом. Философия политики Сократа – явление удивительное. Просто поразительно – как смог он на том уровне знаний и общественной культуры сформулировать вопросы, не потерявшие и сегодня свою актуальность, вопросы, на которые мы и по сей день не находим достаточно удовлетворительных ответов – ни в сфере теории, ни в сфере практической деятельности.

Сократ утверждал, что для выживания, развития общества и индивидов его составляющих необходимы и Политика, и Нравственность. Да, их требования нередко не совпадают друг с другом, их императивы требуют подчас прямо противоположных решений и способов действий; политика защищает неравенство людей, нравственность – их равенство. Но обществу нужны и «не-нравственные» политики и «аполитичные» моралисты. Быть одновременно тем и другим невозможно. Потому – каждый пусть выбирает свою дорогу, свою нишу: политическая или нравственная сфера деятельности. Для себя Сократ выбрал – нравственную.

Нет, он вовсе не выдвигал задачи – чтобы одно победило другое. Он разрабатывал способы их сосуществования и взаимодействия в современных ему условиях драматического развития истории. Выбирая для себя *нравственную* жизненную колею, он вовсе не требовал, чтобы социальное равенство с сегодня на завтра сменило неравенство. Он понимал, что это не просто невозможно, но и губительно для общества. Но и от нравственной проповеди Сократ не считал возможным отказаться. Её значение он видел в том, во-первых, что она гуманизирует существующее неравенство, препятствует его абсолютизации, заставляет в каждый данный момент исторического времени искать способов его уменьшения и смягчения. И во-вторых, в том, что она, как дальнедействующая стрелка исторического компаса, указывает общее направление общественного развития: от неравенства ко всё большему равенству, - ориентируя проницательных политиков на поиск

способов достижения максимально возможного для данных условий равенства людей. Образцом такой максимально (для своего времени) нравственной политики были, например, Солон, Аристид, Перикл. А игнорирование нравственной составляющей порождало политиков типа Алкивиада, Суллы, Калигулы.

Драма сократовской мысли получила отражение в его судьбе, в его жизненной драме. «Нравственное» остро столкнулось с господствующим в Афинах того времени «политическим». Политическое попыталось сокрушить нравственное, подчинить его себе. Правители требовали от Сократа прекращения его нравственных проповедей. Но Сократ, понимая, сколь губительно это будет для общества, предпочел быть приговоренным к смерти, нежели опустить, предать знамя Нравственности. Своей смертью он доказал громадную роль нравственного начала в жизни общества в любую эпоху. Своей гибелью он заставил человечество из поколения в поколение ставить и пытаться решать кардинальную (по трудности – не уступающую квадратуре круга) проблему человеческого бытия: соотношение общего (общественного) и частного (личностного), т.е. по сути - Политики и Нравственности. До поры до времени обе эти ипостаси человеческого бытия и сознания развивались порознь, едва соприкасаясь друг с другом. Макиавелли в своем «Государе» зафиксировал это наиболее жестко и беспощадно: политика – дело не-нравственное и не может быть иным. Хочешь быть политическим вождем, нашептывал «государям» Макиавелли, – оставь нравственные заповеди частным лицам; если же ты – политический лидер, то имеешь право на ложь, коварство, жестокость. Ты, если это во благо укрепления твоего государства, имеешь полное право быть и абсолютно безнравственным. Казалось бы, Макиавелли похоронил нравственность и тем – вторично казнил Сократа. Но вот удивительный тезис знаменитого флорентийца (пропускаемый или не понимаемый многими его комментаторами): да, ты можешь действовать совершенно безнравственно, но ты всегда **обязан казаться нравственным**. Вот, ведь, как! Значит, есть какая-то сила в требованиях

нравственности, и эта сила заставляет тебя, политика, даже во времена Макиавелли, подчиняться ей: ты - **обязан** хотя бы казаться нравственным. Нет, не уничтожим Сократ! Что же это за всеподчиняющая сила? Это – сила, выражающая неостановимую историческую тенденцию движения к равенству, и стихийное общественное мнение может не простить политическим вожакам пренебрежительного отношения к этой тенденции.

А развитие техники, прогресс науки и культуры, те крупные социальные перемены, что привнесли в общественные отношения великие буржуазные революции, обуславливали возможность постепенного перехода от парадигмы «развитие одного за счет другого» к парадигме **соразвития** – развития одного **вместе** с другим; иначе говоря – переход от обществ абсолютного классового противостояния к обществам все большего социально-классового равновесия и компромисса. **Там же, где укореняется принцип со-развития, где нарастают тенденции равенства, политическое и нравственное начинают сближаться, и уже видны горизонты, за которыми политика и нравственность совпадут.** Потому уже сегодня в странах Запада и России вовсе не выглядит утопическим требование сделать политику нравственной. Эту новую ситуацию и фиксирует Игорь Дедков.

Вместо заключения

Он - «рано вышел, до звезды»?

И всё же, и всё же...- не перепутать времена, не преувеличить возможности, не забежать чересчур вперед... Наступила ли в России эпоха социального компромисса, эпоха сближения классов и спокойного эволюционного развития? Наступил ли момент, когда политика способна быть воплощением нравственных принципов, когда нравственные требования становятся главным рычагом экономических, политических и социальных преобразований?

Нет, думаю, такой момент в России еще не наступил. Думаю, сегодня только нравственный, или, как говорит Игорь, «человеческий» суд недостаточен. Еще надобен «суд»

политический, да и для юридического – время не миновало. **Прыжок из царства исторического насилия в царство нравственного ненасилия еще не совершён ни обществом, ни историей.** Еще не пришел момент, когда социальное зло можно победить лишь ненасилием. Скажем еще резче и определеннее: без политического насилия (что, впрочем, отнюдь не тождественно вооруженной борьбе или гражданской войне; политическое насилие может иметь и вполне мирные, цивилизованные формы), без политического насилия, повторяю, со стороны демократически организованного народа современное зло «номенклатурного капитализма» и «номенклатурной демократии» побеждено быть не может. А такое насилие, устраняющее господство криминально-олигархического и номенклатурного капитала, обеспечивающее передачу политической власти из рук узкого круга «элиты» в руки граждан России, в руки массовой, «низовой» демократии – называется на строгом социологическом языке, между прочим, **демократической революцией** (или, если хотите, - пожалуйста, синоним: **глубокой, подлинно демократической реформой**). При разработке теории **такой** революции (или – **такой** реформы) нравственно-политическая философия, которую исповедывал Игорь Дедков, не должна быть отброшена. Будучи недостаточной в качестве единственного инструмента социального преобразования, она совершенно необходима в качестве важной составной части народно-демократической политической стратегии. Своим влиянием она будет гуманизировать современную социально-политическую борьбу, и главное, - она будет способствовать тому, чтобы в итоге этой борьбы произошла не обычная смена одного господствующего слоя (класса) другим (как то было характерно для всей предшествующей истории), а – ликвидация всякого социально-классового господства, произошел переход к той парадигме, которую мы обозначили как **соразвитие**.

...Жизнь Игоря Дедкова уместилась между двумя по-своему историческими выстрелами. Он родился в 1934-м – в год выстрела в Кирова, после чего лавиной покати́лась волна сталинских

убийств и репрессий. Он умер в 1994-м – под грохот первых выстрелов по Грозному...

Может быть, он «рано вышел, до звезды, свободы сеятель пустынный»? А когда, скажите, в истории и какой сеятель действительной свободы выходил не рано? Такой сеятель всегда немного идеалист, всегда немного утопист, он всегда как бы забегает вперед, стремясь побыстрее вытащить на большак общественный воз, то и дело застревающий в «черной жиже» общественных несовершенств. Но именно такой идеализм, такое опережающее время воздействие на события медленно плетущейся истории – и обеспечивает прорывы в царство, или скажем мягче – в предцарствие, Свободы.

Если же мы будем «трезво» и «осторожно» придерживаться исключительно осуществимого, «возможного» на сегодняшний день (ну, как же, ведь, политика – это искусство возможного!), то мы так и останемся в прошлом, за чертой современной человеческой цивилизации – подобно мифическому Ахиллесу, который, как известно, так и не смог перегнать медленно плетущуюся черепаху, ибо постоянно ограничивал свой бег рубежами черепашьего шага.

Мне лично очень нравится знаменитый когда-то лозунг «новых левых»: «Будьте реалистами, требуйте невозможного!». Вот таким требующим невозможного реалистом и был Игорь Дедков.